

Когда-нибудь я поселюсь в теории,
ибо в теории все всегда хорошо...

Дождь вымочил крыши и фасады, автомобили и автобусы, тротуары и пешеходов. В Лондоне лило не переставая с начала весны. У Миа только что закончилась встреча с агентом.

Крестон был человеком старой закалки, из тех, кто всегда говорит правду, но делает это изысканно. Олицетворение изящества, он вызывал уважение, на званых ужинах цитировали его хлесткие высказывания, впрочем никого не оскорблявшие. Миа пользовалась его покровительством, что в мире кино, жестоком и зачастую грубом, было неоценимым преимуществом.

В тот день Крестон побывал на закрытом просмотре нового фильма Миа. Ей не разрешалось сопровождать его на таких просмотрах, поэтому она ждала результата у него в кабинете.

Крестон снял плащ, уселся в кресло и не стал ее томить:

— Экшн, налет романтичности, сценарий искусно выстроен вокруг интриги, которая, правда, слабовата, но кому в наши дни есть до этого дело?

Миа, слишком хорошо знавшая Крестона, поняла, что этим он не ограничится.

Она великолепна, продолжал он, но злоупотребляет обнаженкой. В следующий раз ей лучше проявить бдительность и не демонстрировать ягодицы в каждом третьем эпизоде. Он сам об этом позаботится в интересах ее карьеры: на людей слишком быстро навешивают ярлыки.

— А теперь признайтесь честно, что вы думаете о фильме, Крестон.

— Ты играла безупречно, и о твоей роли я могу высказаться только в превосходной степени. С другой стороны, нельзя бесконечно снимать фильмы, героини которых успевают за одну осень совершить два предательства, три измены и выпить чашку чая. Это приключенческий фильм, камера много ерзает, действующие лица суетятся... Что к этому добавить?

— Правду, Крестон!

— Барахло, дорогая моя, самое что ни на есть барахло, но на него пойдет много зрителей, потому что на афише красуетесь вы с мужем. Само по себе — это событие, за неимением других. Пресса будет без ума от вашего сотрудничества на экране, еще больше ей понравится то, что ты заменила его в роли звезды. Это не комплимент, а очевидность.

— Обычно звезда — он, — ответила Миа с вымученной улыбкой.

Крестон почесал бороду — жест, в который он вкладывал глубокий смысл.

— Как поживает ваш брак?

— Уже никак.

— Осторожно, Миа, только без глупостей!

— Какие еще глупости?

— Ты меня отлично поняла. Все так плохо?

— Съёмки нас не сблизили.

— Это именно то, о чем я не желаю слышать — по крайней мере до тех пор, пока фильм не выйдет в прокат. Будущность шедевра зиждется на вашем партнерстве, как на экране, так и на публике.

— У вас есть для меня новые сценарии?

— Есть, и не один.

— Крестон, мне хочется за границу, подальше от Лондона, от его тусклых цветов, хочется сыграть умную, заметную роль, услышать слова, которые меня тронут, заставят смеяться. Хочется немного нежности, хотя бы в маленьком скромном фильме...

— А мне хочется, чтобы мой «ягуар» никогда не ломался, но вот беда: обслуживающий его механик уже давно обращается ко мне по имени. Понимаешь, что это значит? Я старался выстроить тебе карьеру, у тебя в Англии куча зрителей, толпа поклонников, готовых платить, что бы ты ни делала, хоть справочник подряд читай, тебя начинают ценить почти по всей Европе, тебе платят неприличные по теперешним временам гонорары. Если этот фильм будет пользоваться успехом, на что я надеюсь, ты скоро станешь самой знаменитой актрисой поколения. Поэтому я прошу тебя

проявить терпение. Согласна? Пройдет две-три недели — и предложения из Америки посыплются, как капли этого проклятого дождя за окном. Ты будешь причислена к сонму великих.

— Великих дур, улыбающихся до ушей, когда им тоскливо до чертиков?

Крестон выпрямился в кресле и прокашлялся.

— И этих, и других счастливиц. — И добавил, повысив тон: — Не желаю больше видеть тебя с такой грустной физиономией! Давая интервью, вы с мужем станете ближе друг другу. Во время рекламной кампании вам придется столько улыбаться, что в конце концов вы втянетесь в эту игру.

Миа шагнула к книжному шкафу, открыла лежавший на полке портсигар и взяла сигарету.

— Ты забыла, что я терпеть не могу, когда курят у меня в кабинете?

— Тогда зачем тут портсигар?

— На всякий случай.

Миа полоснула Крестона взглядом и села, закутив сигарету.

— Кажется, мне изменяют.

— Все в наши дни так или иначе становятся жертвами измены, — рассеянно обронил он, изучая почту.

— Я серьезно.

Крестон оторвался от чтения.

— В каком смысле изменяют? Я хочу сказать — время от времени или постоянно?

— Это что-то меняет?

— А ты сама никогда ему не изменяла?..

— Нет. То есть да, всего разок. Мой партнер великолепно целовался, и мне стало завидно. Я стремилась к естественности сцены — разве это измена?

— Намерение — вот что важно. Как назывался тот фильм? — осведомился Крестон, приподнимая бровь.

Миа отвернулась к окну. Агент вздохнул.

— Что ж, предположим, он действительно тебе изменяет. Какое это имеет значение, если вы все равно друг друга разлюбили?

— Он меня разлюбил, а я его — нет.

Крестон выдвинул ящик стола, достал пепельницу, чиркнул спичкой. Миа выпустила длинную струю дыма, и он засомневался, не от дыма ли у него щиплет глаза. Раздумывать над этим вопросом он не стал.

— Он был звездой, ты — дебютанткой. Он решил поиграть в Пигмалиона, но ученица превзошла учителя. При его самомнении с этим трудно смириться. Не стряхивай пепел куда попало, я люблю свой ковер.

— Ничего подобного!

— Представь, так и есть. Я не говорю, что он плохой актер, но...

— Что — но?

— Сейчас неудачный момент, вернемся к этому разговору позже. У меня сегодня много встреч.

Крестон прошелся по кабинету, аккуратно забрал у Миа сигарету и раздавил ее в пепельнице. Потом взял Миа за плечо и повел к двери.

— Скоро ты будешь играть всюду, где пожелаешь: в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Риме. А пока

смотри не наделай глупостей. Потерпи всего месяца, о большем я тебя не прошу. От этого зависит твое будущее. Обещаешь?

Выйдя от Крестона, Миа взяла такси и поехала на Оксфорд-стрит. Когда ей делалось грустно — а в последнее время с ней такое случалось регулярно, — она отвлекалась, гуляя по этой оживленной улице.

Бродя по галереям торгового центра, она сделала попытку дозвониться Дэвиду, но у него включился автоответчик.

Чем это он занят в разгар дня? Где пропадает уже вторые сутки? Два дня и две ночи от него не было вестей, если не считать лаконичного сообщения на автоответчике их домашнего телефона: он едет за город, ему нужно восстановить силы, ей не о чем беспокоиться... Его слова вызвали у нее еще большее беспокойство.

Дома Миа постаралась взять себя в руки. Когда Дэвид вернется, ей нельзя показывать ни малейших признаков тревоги. Сохранять достоинство, самообладание, не подавать виду, что она по нему скучала, и главное — не задавать никаких вопросов.

Ей позвонила подруга с предложением вместе пойти на открытие нового ресторана. Она согласилась и решила появиться там во всем блеске. Она сумеет вызвать у Дэвида ревность! И вообще, лучше оказаться в компании незнакомых людей, чем сидеть дома в глухой тоске.

Ресторан был огромный, музыка слишком громкая, зал битком набит: ни поговорить, ни шагу ступить — обязательно с кем-нибудь столкнешься. «Неужели находятся любители так проводить вечера?» — подумала она, собираясь с духом, прежде чем нырнуть в это людское море.

Входящих ослепляли вспышки фотокамер. Так вот почему подруге так хотелось прийти сюда именно с ней! Чтобы попасть на страницу светской хроники в каком-нибудь глянцево́м журнале. Получить свою минуту славы. *Черт бы тебя побрал, Дэвид, зачем ты заставляешь меня скучать в одиночестве в подобных местах? Тебе, видите ли, силы нужно восстановить... погоди, ты за это заплатишься!*

Зазвонил телефон, но номер звонящего не определился. В такой час это почти наверняка он. В подобном гвалте ничего не расслышишь! Будь она снайпером, чертов диджей получил бы пулю в лоб.

Она огляделась. Одинаковое расстояние отделяло ее от входа и от кухни. Толпа уносила ее все дальше от дверей, но она решила грести против течения. Прижала телефон к уху и прокричала:

— Подожди, не отключайся! *Ты же, дорогая, вроде собиралась хранить спокойствие, разве нет?*

Пробить себе дорогу, отпихнув какую-то куклу на высоченных каблуках и выющегося вокруг нее придурка. Отдавить ноги этой вертлявой тощей вешалке, обогнуть хищно уставившегося на нее мажора. *Приятно тебе повеселиться, старина, твоя соседка, похоже, — собеседница что надо!* Еще десяток шагов — и вот наконец дверь.

— Только не отключайся, Дэвид! *Да заткнись же, идиотка!*

Она устремила умоляющий взгляд на вышибалу: только бы отсюда вырваться!

Вот она и на свободе! Свежий воздух, на улице довольно тихо... Подальше от густой толпы жаждущих проникнуть в ад!

— Дэвид?

— Где ты?

— На приеме... *Вот наглец, еще задает такой вопрос!*

— Развлекаешься, дорогая?

— *Лицемер!* Да, здесь забавно... *Откуда у тебя это самодовольство? А ты?.. Тупица!* Ты сам где? *Причем уже два дня!*

— Еду домой. Ты скоро вернешься?

— Я уже в такси. *Поймать такси! Скорее!*

— Я думал, ты на приеме.

— Когда ты позвонил, я уже выходила.

— Тогда ты, скорее всего, приедешь раньше меня. Если устала, то не жди меня, тут сплошные заторы, даже в такой поздний час. В Лондоне стало совершенно невыносимо. Не проедешь!

Это ты стал невыносим! Как ты смеешь мне советовать не ждать тебя? Уже два дня я только и делаю, что жду!

— Я оставлю в спальне свет.

— Чудесно! Целую. До встречи.

Блики света в лужах на тротуаре, парочки под дождем...

А я одна, как последняя дура. Ничего, завтра начну новую жизнь, и плевать на кино. Нет, не завтра, сегодня!

Париж, два дня спустя

— Почему дверь всегда отпирается самым последним ключом в связке? — возмущенно воскликнула Миа.

— Потому что жизнь скроена кое-как. Разве иначе на лестничной клетке перегорела бы лампочка?

Дейзи ворча пыталась осветить замочную скважину включенным мобильным телефоном.

— Хватит с меня чужих выдумок, теперь мне подавай реальность: я нуждаюсь в чем-то настоящем, просто настоящем.

— А мне бы не помешало более определенное будущее, — вздохнула Дейзи. — Что, не получается? Тогда давай сюда ключи, а то у меня садится батарейка.

Последний ключ в связке и правда подошел. Войдя в квартиру, Дейзи первым делом щелкнула выключателем, но свет не загорелся.

— Кажется, весь дом утонул в темноте.

— Вместе со всей моей жизнью, — буркнула Миа.

— Не будем преувеличивать.

— Я не умею жить во лжи, — не унималась Миа.

Ее тон взывал к снисхождению, но Дейзи слишком давно ее знала, чтобы согласиться участвовать в игре.

— Не болтай ерунду. Ты талантливая актриса, а значит, профессиональная лгунья... Где-то у меня были свечи. Надо их найти, а то вдруг батарейка моего айфона сейчас...

Экран телефона снова загорелся.

— Как насчет того, чтобы послать их всех куда подальше? — спросила Миа шепотом.

— Как насчет того, чтобы немного мне помочь?

— Я готова, но ни черта же не видно!

— Теперь мне полегчало: ты осознала сложившуюся ситуацию!

Дейзи, двигаясь на ощупь, приблизилась к столу и пошарила на нем. Обходя его, она повалила стул, тихонько выругалась, нащупала у себя за спиной кухонный стол. Так же ощупью она добралась до газовой плиты, взяла с полки спички, повернула кран и зажгла одну конфорку. Ее озарило синим светом.

Миа устало присела за стол.

Дейзи обшарила один за другим все ящики. Ароматические свечи в ее доме не могли прижиться. Ее страсть к гастрономии диктовала свои правила: ничто не должно примешиваться к аромату изысканных блюд. Некоторые рестораторы вешают на своих дверях уведомления, что не принимают к оплате кредитные карты, а Дейзи

охотно перекрыла бы вход в свой дом обильно надушенным особам.

Наконец она отыскала и зажгла свечи. Их свет рассеял темноту.

Главным местом в квартире Дейзи была кухня. Именно здесь протекала вся жизнь. Кухня превосходила размерами две комнатухи, отделенные от нее ванной комнатой. На рабочем столе выстроилась батарея глиняных сосудов, в которых хранился тимьян, лавровый лист, розмарин, сушеный укроп, душица, монарда и жгучий перец. Кухня была лабораторией Дейзи, источником упоения и отдушиной. Здесь она отрабатывала новые рецепты, прежде чем побаловать посетителей своего ресторанчика на Монмартре, в двух шагах от дома.

Дейзи не получила специального образования, мастерство она унаследовала от предков и своей родной земли — Прованса. В детстве, пока сверстники резвились в тени сосен и олив, она наблюдала за тем, как готовит мать, и перенимала ее приемы. В саду рядом с семейным домом она училась сортировать травы, а в кухне, у плиты, — находить им применение. Приготовление еды было для нее равносильно самой жизни.

— Хочешь есть? — спросила она Миа.

— Может быть. Сама не знаю.

Дейзи достала из холодильника тарелку с лисичками и пучок петрушки, оторвала головку чеснока от связки, висевшей справа от нее.

— Без чеснока никак? — спросила Миа.

— Ты сегодня вечером собираешься с кем-то целоваться? — вскинула голову Дейзи, нарезая пепрушку. — Расскажи, пока я готовлю.

Миа глубоко вздохнула.

— Нечего рассказывать.

— Ты появляешься перед самым закрытием моего бистро с дорожной сумкой и с таким выражением лица, будто рухнул мир. И с той минуты ноешь не переставая. Я сделала вывод, что ты приехала повидаться со мной не потому, что соскучилась.

— Мой мир действительно рухнул.

Дейзи застыла с ножом в руке.

— Я тебя умоляю, Миа! Я готова все выслушать, только, чур, без вздохов и стонаний, здесь нет кинокамер.

— Из тебя получился бы отличный режиссер! — сердито бросила Миа.

— Возможно. Я слушаю.

Пока Дейзи возилась у плиты, Миа уселась за стол.

Когда дали свет, подруги вздрогнули от неожиданности. Дейзи повернула выключатель-диммер, снизив яркость ламп, потом открыла электрические жалюзи. Из окон квартиры открывался прекрасный вид на Париж.

Миа подошла к окну.

— У тебя есть сигареты?

— Возьми на столике. Не знаю, кто их там оставил.

- Наверное, у тебя много любовников, если ты не уверена, кто из них забывает у тебя сигареты?
 - Если хочешь курить, ступай на балкон.
 - Ты пойдешь со мной?
 - Ау меня есть выбор? Очень хочется услышать продолжение!
-

— Так ты оставила свет в спальне? — спросила Дейзи, подливая подруге вина.

— Да, но не в гардеробной. Там я «забыла» табурет, чтобы он об него споткнулся.

— Надо же, у вас есть гардеробная! Что было потом?

— Я притворилась спящей. Он разделся в ванной, долго стоял под душем, потом улегся и потушил свет. Я ждала, что он хоть что-то шепнет, поцелует меня. Наверное, он восстановил не все силы, потому что сразу уснул.

— Хочешь знать мое мнение? Впрочем, хочешь или нет, я все равно скажу. Муж у тебя — подлец. Остается ответить на простой вопрос: наделен ли он качествами, заставляющими закрывать глаза на его недостатки. Хотя нет, правильнее спросить, почему ты в него по-прежнему влюблена, раз он делает тебя такой несчастной. Если только ответ не лежит на поверхности: ты влюблена в него как раз потому, что он делает тебя несчастной.

— Сначала я была с ним совершенно счастлива.

— Надеюсь. Если бы все было плохо с самого начала, то из книжек испарились бы прекрасные

принцы, а вместо романтических комедий стали бы снимать фильмы ужасов. Не смотри на меня так, Миа. Если хочешь выяснить, изменяет ли он тебе, спрашивай его самого, а не меня. И положи ты сигарету, слишком много куришь! Это всего лишь табак, а не любовь.

По щекам Миа побежали слезы. Дейзи уселась рядом с ней и крепко обняла.

— Поплачь! Хмель уйдет, и ты успокоишься. Любовные огорчения лишают покоя, но настоящая беда — это когда жизнь превращается в пустыню.

Миа клялась себе, что при любых обстоятельствах сохранит достоинство, но с Дейзи было трудно сдерживаться. Такая дружба, как у них, с такой долгой историей, — это братство по добровольному выбору.

— Почему ты говоришь о пустыне? — пролепетала она, вытирая слезы.

— Это ты так спрашиваешь, как дела у меня?

— Ты тоже чувствуешь себя одинокой? Думаешь, мы когда-нибудь найдем свое счастье?

— Тебя-то, мне кажется, оно в последние годы не обходило стороной. Ты известная, признанная актриса, за одну картину тебе платят столько, сколько мне не заработать за всю жизнь, к тому же ты замужем. Ты видела вечернюю газету? Тебе не на что жаловаться.

— А что, случилось что-нибудь?

— Понятия не имею. Была бы какая-то радостная новость — люди вышли бы праздновать на улицы. Как тебе мои лисички?